

Нина Хрящева

«Я перестрою вселенную...»: судьба теургической идеи Андрея Платонова (1917–1926 гг.)

Возможность подлинного жизнеописания Андрея Платоновича Платонова (настоящая фамилия Климентов), как и уяснения глубинных черт его поэтики, только в последние десятилетия обретает серьезную почву. Этому способствует публикация «Записных книжек» (2000), архивных материалов (2009), «Писем» 1920–1950-х гг. (2013). Немалое значение в освоении логики жизненного и творческого пути писателя имеют также материалы всех томов «Страны философов», составленных группой платоноведов, возглавляемой Натальей Корниенко, на основе Международных научных конференций, проводимых ИМЛИ РАН с 1989 по 2014 год; а также выпуски исследований и материалов Пушкинского дома «Творчество Андрея Платонова». Очерк научной биографии Андрея Платонова опубликован в первом томе собрания сочинений писателя в восьми томах¹.

1917 год Андрей Климентов встретил, будучи рабочим железнодорожных мастерских в Воронеже, судя по «Автобиографии», написанной в сентябре 1942 года².

«Летом 1919 года был мобилизован в РККА; работал до осени на паровозе для военных перевозок в качестве помощника машиниста; затем был переведен в Часть Особого назначения (ЧОН) в железнодорожный отряд – рядовым стрелком. <...> Дважды участвовал в бою с частями генерала Шкуро под Воронежем», –

сообщит Платонов в той же автобиографии.³

Литературная биография Платонова в качестве пролетарского поэта и публициста началась почти одновременно с революционным сломом. Ранний период творчества

¹ Малыгина, Нина. «Быть человеком – редкость и праздник» // Платонов, Андрей. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения [Платонов, Собрание сочинений в восьми томах, Том 1] / Вступ. ст. Андрей Битов; науч. ред. Нина Малыгина; сост. Наталья Корниенко. Москва: Время, 2011, 494–543.

² <Из личного дела А. П. Платонова> (1942 г.), сост. Елена Шубина // Андрей Платонов: Воспоминания современников; Материалы к биографии / Сост., подг. текстов и примеч. Наталья Корниенко и Е. Шубина. Москва: Современный писатель, 1994, 445–449; цит. 445.

³ Там же.

(1918–1922 годы) характерен наличием разных дискурсов – публицистического (более двухсот статей в воронежской периодике), научно-художественного (поэмы в прозе) и собственно художественного (сказки-притчи, рассказы и стихотворения). Однако, несмотря на пестроту форм творческой реализации, первоначальная пора Платонова отличается редким метатекстовым единством, основывающимся на идее «переоборудования» мира как теургической⁴.

Постановка проблемы исследования

Эта идея формируется у юного художника под воздействием многих факторов. Прежде всего, показательно его отношение к Октябрю 1917 года как «тектоническому» сдвигу, открывающему путь рукотворного прорыва в иной «эон» существования. Но этот путь, по мнению Платонова-публициста, загораживают «наши противники, буржуазная интеллигенция, люди, белые духом...»⁵. В их сторону направлен гнев юноши Платонова в статье «Революция “духа”»: «Ничего нет гаже, безумнее и ненавистнее для нас, как понятие духовности, высшей интеллектуальной одаренности»⁶. В ненависти к буржуазной интеллигенции Платонов доходит до неистовства: «... если мы убьем тело буржуазии, а ее культуре, ее духу позволим свободно расплываться по земле, – <...> победы нашей не будет <...> надо убить дух буржуазии»⁷. Одновременно в статьях звучит призыв «освободиться от своего умственного убожества»⁸. Импульсом к этой ненависти, помимо «происхождения и принадлежности к иной интеллектуальной породе»⁹, могло быть, как это не парадоксально звучит, некое «соревновательное» чувство: Платонов и символисты оказываются в сфере единого «интереса»: постижения запредельного, космических тайн и

⁴ Уточним семантику употребляемых нами дефиниций. Теургия – «букв. божественное действие, чудо» (Новый энциклопедический словарь. Москва: Большая Российская энциклопедия; Рипол классик, 2006, 1207). Демиург – «(букв. творящий для народа) <...> Во многих мифологиях сливается с образом небесного бога-творца, отличающегося космическими масштабами деятельности» (Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. Москва: Советская энциклопедия, 1991, 366).

⁵ Платонов, Андрей. Сочинения. Т. 1, кн. 2: Статьи. Москва: ИМЛИ РАН, 2004, 77.

⁶ Там же, 171.

⁷ Там же, 57.

⁸ Там же, 171.

⁹ Вьюгин, Валерий. Андрей Платонов: поэтика загадки (Очерк становления и эволюции стиля). Санкт-Петербург: РХГИ, 2004, 357.

их эстетического оформления. Косвенным доказательством тому и служит упомянутый выше призыв, о смысле которого Платонов со всей искренностью скажет в «Ответе редакции “Трудовой армии”» по поводу своего рассказа «Чульдик и Епишка»:

«Я знаю, что я один из самых ничтожных <...> Вы люди законные и достойные, я человеком только хочу быть. <...> Я уверен, что приход пролетарского искусства будет безобразен. Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и все, что есть на земле, есть и на нас. Но не бойтесь, мы очистимся – мы ненавидим свое убожество <...> В этом наш смысл. Из нашего уродства вырастает душа мира»¹⁰.

Огромность желания преодолеть «убожество» побуждает Платонова к решению ключевых вопросов бытия. Один из главных – о Боге. В 1-й Записной книжке, условно датированной 1921 годом, читаем: «“Бог умер, теперь хотим мы, чтобы жил сверхчеловек”. Ницше. Т.е.: Бог приблизься ко мне, стань мною, но самым лучшим, самым высшим мною – сверхмною, сверхчеловеком»¹¹. Эта мысль о «слиянии» Бога и человека, в процессе которого должен родиться «сверхчеловек» – «сокрушитель скрижалей», «идеолог подлинной «истины», противостоящий благу в современной цивилизации», навеяна чтением Фридриха Ницше¹². В статье «О нашей религии» Платонов обозначит логическое завершение своей мысли о Боге: «Но что такое Бог, тайна... Это тоже человек, его же образ, но далеко отодвинутый им от себя. Человек долго шел к этому своему дальнему образу – и теперь дошел. Он сам теперь Бог...»¹³. С этих «богочеловеческих» – или «человекобожеских» – позиций Платонов и осмысляет функцию искусства как «проективную», способствующую реальному преобразованию действительности, примеривая на себя роль демиурга, который действует в космической масштабности. К примеру, он создает целый цикл «электрических» статей, представляющих собой проект развития электротехники, с осуществлением которого он напрямую связывает успех строительства социализма. В статье «Свет и социализм» он пишет: «Социализм придет не ранее (а немного позднее) внедрения света, как двигателя в

¹⁰ Там же, 68–69.

¹¹ Платонов, Андрей. Записные книжки: Материалы к биографии. Москва: Наследие, 2000, 17.

¹² Там же. Примечания к Записным книжкам, 314. Об увлечении Платоновым ницшеанскими идеями см.: Свительский, Владислав. Факты и домыслы: о проблеме освоения платоновского наследия // Платонов, Андрей. Исследования и материалы. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1993, 80–102 (цит. 93).

¹³ Платонов, Андрей. Сочинения. Т. 1, кн. 2, 76.

производство. И только тогда из светового производства вырастет социалистическое общество, новый человек – существо, полное сознания, чуда и любви...»¹⁴. При этом важно отметить, что модель этого «роста» оформляется начинающим писателем как «художественный» проект: «коммунистическое искусство – это вселенская скульптура, планетная архитектура...»¹⁵. О важности для Платонова идеи «светового производства» говорит его запись в 1-й книжке, помеченной 1921 годом:

«В каждом явлении вселенной мы имеем налицо все формы энергии (в сущности единую), но воспринимаем эти формы соответственно устройству своих органов чувств и поэтому воспринимаем явление то как звук, то как цвет, то как раздражение (ток)... В сущности каждое явление представляет собой одновременно все формы энергии (известные нам и неизвестные...»)»¹⁶.

Эта запись, по мнению Натальи Корниенко, свидетельство того, что Платонов не только был хорошо знаком с работами идеолога пролетарской культуры Александра Богданова, в которых «энергетическая концепция мира» является базовой, но и попытался развить одну из ключевых формул его «эмпириомонизма», где философ утверждает, что элементы психического опыта «тождественны» с элементами всякого опыта вообще»¹⁷.

Влияние идей Александра Богданова на Платонова и его современников отметила вдова писателя Мария Александровна Платонова. В беседе в середине 1970-х гг. с известным платоноведом Ниной Малыгиной Мария Александровна «настойчиво рекомендовала обратить внимание на «Всеобщую организационную науку» Александра Богданова <...> и его романы “Красная звезда” и “Инженер Мэнни”». ¹⁸ Впервые факт влияния «Всеобщей организационной науки» Богданова на Платонова был указан в статье о ранней прозе писателя:

¹⁴ Там же, 220.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Платонов, Андрей. Записные книжки, 18.

¹⁷ Там же. Примечания к Записным книжкам, 314–315.

¹⁸ Малыгина, Нина. Образ инженера в творчестве А. Платонова (изменение восприятия и трактовки) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филологическое образование», 2012, № 1 (8), 32–42 (33).

«Рассказ о многих интересных вещах» – это пример разработки нового типа пролетарского искусства, которое призвано стать частью науки. Платонов воспринял идею систематизации данных всех наук с целью их максимального использования в практике преобразования действительности, впервые сформулированную Богдановым в его «Тектологии» (Берлин, 1922)»¹⁹.

Автор «Всеобщей организационной науки», по мнению ученого, был близок Платонову мыслью о неограниченных возможностях «организации» материи по воле человека и проективному участию в этом искусства, а также программным утверждением ведущей роли в строительстве пролетарской культуры социального инженера-организатора²⁰. Причем положение Богданова о роли инженера как определяющей в строительстве социализма Платонов буквально «манifestирует» в своих статьях. Он пишет, что партия должна «из политической передовой силы превратиться в организационно-производственную, в техническую. Коммунисты из политиков, агитаторов, ораторов должны превратиться в техников-специалистов <...> и отправиться в поход на заводы и в мастерские...»²¹.

Это положение стало «поводом для ожесточенной критики со стороны Владимира Ленина, а вскоре – полного идеологического разгрома Пролеткульта. Платонов же до конца остался верен мысли Богданова о том, что основным условием успешной работы является мастерство и подлинный профессионализм, что и определило его расхождение с партийной идеологией.

Отметим также серьезное и искреннее внимание Платонова к теоретическим построениям и творчеству Алексея Гастева, где он нашел много близкого себе и важного для «строительства страны». Вот как, к примеру, видит Гастев значимость электрификации: Она «есть высшее выражение машинизма. Это уже не одна машина, это не комплекс машин, это даже не машина-завод, не машина-город, это машина-

¹⁹ Малыгина, Нина. Идейно-эстетические искания А. Платонова в начале 20-х годов («Рассказ о многих интересных вещах») // Русская литература, 1977, №4, 158–165 (165).

²⁰ Малыгина, Нина. Образ инженера в творчестве А. Платонова, 36.

²¹ Платонов, Андрей. Сочинения. Т. 1, кн. 2, 111–112. О сходных вещах пишет один из руководителей Пролеткульта: «Эпоха ставит перед нами задачу выработки нового типа ученого: социального инженера, инженера-организатора, способного оперировать с явлениями и заданиями крупнейшего масштаба. Этот инженер должен быть техником и экономистом в равной степени» (Плетнев, Валериан. На идеологическом фронте // Правда, 1922, № 217, 27 сент., 2–3).

государство, а когда она будет интернациональной, это в полном смысле механизированный земной шар».²² Молодому Платонову был дорог не просто гостевский культ машины, а его планетарно-космическая всеохватность. С учетом вселенского «размаха» молодой публицист намечает парадигму новых жанровых форм:

«Каждая новая машина – это настоящая пролетарская поэма. Каждый новый великий труд над изменением природы ради человека – пролетарская, четкая, волнующая проза. Величайшая опасность для нашего искусства – это превращение труда-творчества в песни о труде. Электрификация – вот первый пролетарский роман, наша большая книга в железном переплете»²³.

В этой же статье молодой публицист назовет сюжет-архетип, который найдет многоаспектное преломление в границах творчества первой половины 1920-х годов:

«Машины – наши стихи, и творчество машин – начало пролетарской поэзии, которая есть *восстание человека на вселенную* (здесь и далее курсив наш – Н.Х.) ради самого себя»²⁴.

Однако, у этого «литературного» пока что «восстания» есть еще одно едва ли не самое важное основание – «невозможная» любовь к Марии Александровне Кашинцевой – невесте, затем жене и всегда Музе. Огромность этого чувства явит себя в девяти письмах А. Платонова к невесте, относящихся к 1921 году. Процитируем из них несколько фрагментов:

Первое письмо: «Мария, я вас смертельно люблю. <...> Мария, вы та самая <...> победительница вселенной. <...> Ночью я сочинил поэму, но для вас надо изменить мир»²⁵.

Четвертое письмо:

«Звезда и песня моя, судьба и невеста моя. Как много во мне для тебя не родившихся еще нежных голубых слов и песен. Но я заставлю петь о тебе не слова, а всю вселенную. Ради тебя зазвонят звезды, и луна будет новым солнцем <...> Говорю тебе не слова, ибо я поэт вселенной

²² Гастев, Алексей. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. Изд. 2. Москва: Экономика, 1972, 51.

²³ Платонов, Андрей. Сочинения. Т. 1, кн. 2, 167.

²⁴ Там же.

²⁵ Архив А.П. Платонова. Кн. 1. Москва: ИМЛИ РАН, 2009, 434–435.

и буду делать с ней, что захочу. <...> Прощай, свет и новая спасенная вселенная, огонь и воскресение. Мы зачали иной лучший мир, выше небес и таинственной звезд. <...> Я знаю, что стал я бессмертен и перестрою вселенную ради и во имя тебя»²⁶.

Письмо девятое:

«Моя любовь имеет вселенское значение, это говорит мне моя точная мысль. Мы сейчас в фокусе, в предельной точке, на невероятной высоте, между всеми вселенными <...> Вы – мой экстаз. И я люблю вас такую – сущую реальную, с пальцами, порезанными ножом, с глазами Девы Марии и с тоскою Магдалины. <...> вы иной и последний мир для меня и человечества <...> Если вселенной суждено спастись – спасете его вы, через мое сердце и мой мозг. Меня нет – есть вы»²⁷.

Возлюбленная Мария предстает в письмах в символистских «одеждах» Вечной женственности. Она «судьба и невеста», «звезда и песня», с глазами Матери Христа Девы Марии. Она же «победительница» и спасительница Вселенной и т.п. Символистская образность неоднократно возникает у Платонова и это закономерно. Несмотря на то, что «Платонов – человек нового времени <...> и само понятие элитарного искусства, эстетики, приближающейся к эзотерике, вызывало в нем отторжение на уровне рефлексии»²⁸ – несмотря на все это писатель по-своему реализует заданные символизмом векторы художественного освоения реальности. Платоновское творчество так же, как и произведения символистов, служит постижению запредельного, невыразимого, непостижимого и поэтому ориентируется на образный язык, выработанный символистами. К примеру, как заметил Валерий Вьюгин, «символо-порождающие структуры у Блока напоминают то, что без труда обнаруживается и у Платонова»²⁹. Однако эти определения не метафоры, отвечающие, казалось бы, высоте лирического чувства. Платонов переносит акцент с метафизического постижения мира на его рукотворное изменение, подчиненное «точной мысли»: «спасете его (мир) вы, через мое сердце и мой мозг»³⁰. Платонов

²⁶ Там же, 438–439.

²⁷ Там же, 441.

²⁸ Вьюгин, Валерий. Андрей Платонов: поэтика загадки (Очерк становления и эволюции стиля), 357.

²⁹ Там же, 358.

³⁰ Архив Андрея Платонова. Кн. 1, 441.

предстает в письмах влюбленным демиургом. Об этом свидетельствуют глаголы долженствования: «*надо изменить мир*», «*я заставлю петь о тебе всю вселенную*», «*я поэт вселенной и буду делать с ней, что захочу*», «*я перестрою вселенную ради и во имя тебя*», «*моя любовь имеет вселенское значение, это говорит мне моя точная мысль*»³¹. И в этом плане письма прочитываются первой попыткой эпистолярной актуализации сюжета-архетипа *восстания на вселенную*.

Наконец в письмах Платонов называет жанр, в котором он изображает первые научно-художественные картины этого глобального изменения: «*Поэмы – мое проклятье, мой бой со смертью. К ним я прибегаю только в крайней тоске, когда никаких выходов для меня нет*»³². Здесь же он сформулирует и фантастико-романтический пафос «*поэм*» – устремленность к «переоборудованию» мира как деянию «невозможного». Эту мысль он запечатлеет в названии одной из них – «Невозможное» (датируется второй половиной 1921 г.).³³ А в первом и третьем письмах попытается расшифровать его: «... Я один среди них, радостных сытых людей земли, один с точным ослепительным знанием, что я не их, не из этого мира. Мне нужно невозможное, но невозможно<e> – невозможно»³⁴. И еще: «Во мне не любовь, а больше любви чувство к вам. Восемь дней мое сердце в смертельной судороге. Я чувствую, как оно вспухает во мне и давит душу. Я живу в каком-то склепе и моя жизнь почти равна смерти»³⁵. Понятием «невозможное» Платонов пытается обозначить «нераздельную неслиянность» любовного чувства и демиургического порыва, выходя тем самым за грань возможного в земном существовании.

³¹ Там же, 438–439, 441.

³² Архив Андрея Платонова. Кн. 1, 437.

³³ Платонов, Андрей. Сочинения. Т. 1, кн. 1: Рассказы, стихотворения. Москва: ИМЛИ РАН, 2004, 187–196. (Здесь и далее «Невозможное» цитируется по данному изданию с указанием страниц в тексте). «Невозможное» как опыт «переживания» научной гипотезы и стартовая площадка для построения иной вселенной рассматривается в монографии: Хрящева, Нина. Кипящая вселенная Андрея Платонова: динамика образотворчества и миропостижения. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т; Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 1998, 38–42; а также в моей статье, написанной в соавторстве с Еленой Проскуриной: Рецептивный план сюжета А. Платонова «восстание на вселенную». Ч. 2 // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Вып. 7: Тема, Сюжет, мотив в лирике и эпосе. Новосибирск: СО РАН. Ин-т филологии, 2006, 236–266. С позиций «фаустовских проекций» в ранней прозе Платонова «Невозможное» анализируется Еленой Проскуриной, где указывается полижанровый характер произведения; в этой же перспективе рассматривается поэма «Жажда нищего», см.: Проскурина, Елена. Фаустиана Андрея Платонова. Москва: Новый хронограф, 2015, 40–42, 44–47. С точки зрения «смещения» жанров: стихотворения в прозе, публицистических черт и жанра манифеста исследуется «Поэма мысли» в работе: Борисова, Алиса. Жанровое своеобразие «Поэмы мысли» А.П. Платонова // Филологический класс. Науч.-метод. журнал, 2017, № 1(47), 61–67.

³⁴ Архив Андрея Платонова. Кн. 1, 438.

³⁵ Там же, 434.

Мы попытаемся дополнить имеющиеся на сегодня исследования «Невозможного» с целью уточнения его жанровой природы, которое позволит увидеть разнонаправленные поиски молодым Платоновым своего Слова о мире и человеке.

Черты «поэжности» в «Невозможном» А. Платонова

«Невозможное» имеет трехчастное построение. Первая часть, предваряется экспозицией, проявляющей характер субъектной организации произведения: основные персонажи моделируются по типу «расщепления» авторского «я»: «лучший друг» есть часть сознания, второе «я» автора-повествователя, который отводит себе роль «простого» рассказчика, подчеркивая тем самым намерение говорить о «чудесной» жизни «товарища» «по-евангельски», как о «факте действительности» (187). Данная модель «расщепления» восходит к одному из «конструктивных принципов поэжности», указанных Юрием Манном³⁶.

Далее излагается научная гипотеза.

«У шведского физика Аррениуса,³⁷ есть красивая поразительная гипотеза о происхождении жизни на земле. По его догадке – жизнь не местное, не земное явление, а <...> переправленная к нам с других планет в виде колоний мельчайших и простейших организмов <...>. Эти микроорганизмы приплыли по эфиру к нам с солнца – и больше ниоткуда <...>. А аппаратом, переправившим их к нам, служит свет <...>. Жизнь солнечного происхождения. Мы потомки солнца – не в переносном смысле, а в прямом физическом. Но жизнь не только перенесена солнечным светом, она сама – свет в физическом смысле. Ибо атом есть, по выводам науки, система электронов, а свет электромагнитное переменное поле <...>. Нет тела, состоящего не из атомов, атомов не из электронов, а электрон есть элемент света. И очень вероятно будет предположение, что земля не получала вообще никаких готовых микроорганизмов, а получила и получает один свет и из этого света уже сама образует жизнь в близком и понятном смысле» (187–189).

³⁶ Ю.В. Манн указывает на «параллелизм судеб автора и центрального персонажа», отмечая этот «лирический опорный пункт как наиболее важный». См.: Манн, Юрий. Динамика русского романтизма. Москва: Аспект Пресс, 1995, 235.

³⁷ Сванте Август Аррениус (1859–1927) – шведский ученый, один из основателей физической химии.

Эту гипотезу Платонов стремится дать как опыт «переживания», т.е. встраивая в нее свои предположения о пути человечества к «иной вселенной», и тем самым как стартовую площадку для ее построения. Отталкиваясь от этой гипотезы, рассказчик повествует о фотоэлектромагнитном резонаторе-трансформаторе – приборе, превращающем свет в электрический ток. Изобретение этого прибора решит, по его мнению, «энергетический вопрос», когда окажется возможным «победить» «эту вселенную», сделав ее «человеческой обителью» (191).

Вместе с тем подлинная мера понимания обоснованности демиургических устремлений автора «Невозможного» открывается лишь в связи с его инженерной работой над электромагнитным (взрывным) методом в составе организованной им в 1922 году «электроагрономической лаборатории Губкомгидро», где «превращение света в форму обычного рабочего электрического тока» Платонов включил в план ближайших работ.³⁸ О принципах работы резонатора-трансформатора он говорит и в статьях «О культуре запряженного света и познанного электричества», «Свет и социализм». Характер упоминаний о резонаторе в них свидетельствует, что в 1922 г. Платонов рассматривал данный проект как реально выполнимый.³⁹

³⁸ Впервые об экспериментах Платонова с использованием электричества в период работы в Воронежском губернском земельном управлении и его изобретении «электрического увлажнителя корневых систем и корнеобитающего слоя почвы» (РГАЛИ. Ф. 2124, оп. 2, ед.хр. 2); а также о том, что реальное изобретение Платонов описал в рассказе «Потомки солнца», а затем в «Рассказе о многих интересных вещах», сообщалось в статье: Малыгина, Нина. Идеино-эстетические искания А. Платонова в начале 20-х годов, 161. В «Потомках солнца» автор пишет: «Переменное электромагнитное поле неимоверного напряжения было пущено в корневые системы растений <...> оно вгоняло элементы питания растений из почвы в их тела» (Воронежская коммуна, 1922, 7 ноября, 2). Тот же факт (без ссылки на первоисточник) отмечен в Комментариях к статье Платонова «На фронте зноя», где говорится о том, что в лаборатории Губкомгидро разрабатывались и другие подобные проекты, к примеру: «отрицательная электризация корневых систем растений для конденсации в них паров воды <...> осуществление питания растений при минимуме влаги посредством переменного тока высокой частоты перемен – и высокого напряжения» и т. п. (Комментарии // Платонов, Андрей. Сочинения. Т. 1, кн. 2, 388–397; 393).

³⁹ Это было впервые установлено на материале «Рассказа о многих интересных вещах», где эксперименты были представлены как реально осуществимые: Малыгина, Нина. Идеино-эстетические искания А. Платонова в начале 20-х годов, 161; Платонов, Андрей. Сочинения. Т. 1, кн. 1, 581. Свободного воплощения проект перестройки вселенной с помощью резонатора-трансформатора достигнет у Платонова в художественном творчестве. В рассказе «Сатана мысли» (1922) его изобретателем станет инженер Вогулов, в «Приключениях Баклажанова» (1922) авторство создания резонатора передается Елпидифору Баклажанову. Техническую эксплуатацию данного изобретения Платонов будет описывать и в более поздних произведениях: «Эфирном тракте» (1926–28), «Лунной бомбе» (1926). См. об этом: «Кипящая вселенная» Андрея Платонова, 80–85; 91–124.

В «Невозможном» «теоретическую разработку» и техническое освоение «прибора» он «отдает» «лучшему другу», делая тем самым источником художества наблюдения над жизнью своего сознания. О том, что это именно так, говорят воронежские письма Платонова к Марии Кашинцевой 1921 года.⁴⁰ Их возвышающийся до экстатического стиль, решительно, как было отмечено выше, «скрепленный» глаголами долженствования, станет поэтическим «ядром» «Невозможного». Оно в процессе «прорастания» в художественную картину мира отразит мучительность поисков тех поэтических форм, которые были бы способны выразить суть перехода к «иной вселенной» как второй реальности, утвердившейся в сознании автора, и изобразить героя, призванного ее «онтологизировать».

Направление «поисков» художественного воплощения указал сам Платонов, назвав «Невозможное» и ряд других произведений данного периода «*поэмами*». Более того, анализ «Невозможного» показал, что «поэма» в качестве его жанрового обозначения отнюдь не условно. Именно жанр романтической поэмы с ее космической всеохватностью и духовным могуществом исключительного героя, «оплодотворивший» прозу начала века⁴¹, стал для Платонова тем первоначальным творческим «полем», которое он «возделывает» по-своему: опираясь на романтическую традицию, точнее фантастико-романтическую новеллу рубежа веков, он ищет язык для выражения теургических интуиций, подкрепляемых своими инженерными проектами. Приглядимся к его «находкам». Обратим внимание на характер цитирования как одну из «конструктивных черт поэмности», выдвинутых Юрием Манном⁴². Эта черта проявлена поэтическими аналогиями, построенными на контрасте: жизни «Христов, Магометов и Будд» в сравнении с «чудесной» жизнью «лучшего друга» видятся рассказчику не более чем «насмешкой...»; «библейское предание... о происхождении всего из света, о боге... Ормузде» (189) вспоминается в связи новейшими учениями о природе света как «купели жизни»; именем библейского персонажа Агасфера, одного из знаковых в романтизме, он называет «лучшего друга», реализуя тем самым положительный полюс «двойной

⁴⁰ Связь платоновских писем к невесте М. Кашинцевой с «Невозможным» отмечает Елена Проскурина (Фаустиана Андрея Платонова, 40).

⁴¹ Манн, Юрий. Динамика русского романтизма, 230–232.

⁴² Там же, 230–235.

парадоксальности»,⁴³ лежащей в основе его образа: спасти / открыть человечеству путь перехода в «другую вселенную» (190), о которой он мыслит как о «невообразимой действительности, но именно действительности, факте» (190). Нетрудно заметить, что объектом внимания Платонова становятся персонажи, «отпавшие» от закона смертности, либо тяготеющие к «отпадению», так как это позволяет художнику встраивать в их моделирование новейшие научные гипотезы относительно возможности расширения человеческого сознания вплоть до космической стадии⁴⁴.

В изображении «повести жизни»⁴⁵ «неумирающего Агасфера» автор также отталкивается от «конструктивного принципа поэчности», но исповедальное начало приспособливает к проявлению душевных состояний и поступков героя, «нагруженных» космической значимостью. Так, новеллистической кульминации предшествует «случай», как правило, резко меняющий судьбу героя.

«Он [“лучший друг” – Н.Х.] набрел на столб на дороге – и больше не мог его ни забыть, ни перенести. Он понял этот столб, как нужно по-настоящему понимать человеку все вещи в мире

⁴³ Истоковывая глубинный смысл этой легенды, Сергей Аверинцев отмечает: Агасфер – «это враг Христа, но в то же время свидетель о Христе, грешник, пораженный таинственным проклятием и пугающий одним своим видом, как привидение и дурное знамение, но через само проклятие соотнесенный с Христом, с которым непременно должен встретиться еще “в этом мире”, а в покаянии и обращении способный превратиться в доброе знамение для всего мира» (Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. Москва: Советская энциклопедия, 1991, 34).

⁴⁴ Платонов, как и Алексей Крученых, автор заявления: «Искусство идет в авангарде человеческой психики», мог быть знаком, по предположению Елены Толстой-Сегал, с “Tertium Organum” Петра Успенского (Толстая-Сегал, Елена. Идеологические контексты Платонова // Андрей Платонов: Мир творчества. Москва: Современный писатель, 1994, 63), где намечены этапы расширения человеческого сознания вплоть до космической стадии: «Начало космического сознания. Начало ощущения сознания во всем и сознания Всего. Приближение к абсолютному сознанию <...>. Поглощение всего Не я в Я <...>. Начало расширения субъективного познания. Интуиция. Мистическое познание. Новое ощущение времени <...>. Начало познания Не я как Я <...>. Признание реальным только бесконечного. Идеалистическая философия. Интуитивное искусство. Мистическая религия. Бог и Мир — одно. Монизм. Один Дух. Ощущение живой и сознательной вселенной <...>. Начало перехода к новому типу и новому ощущению пространства. Люди космического сознания <...> Торжество сверхличного начала. Достижение внутреннего единства и гармонии. Сверхчеловек». (Успенский, Петр. Tertium Organum. Ключ к загадкам мира. Санкт-Петербург, 1911. Репринт: Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 1992, 240–241).

Характеризуя 4-ю стадию психической эволюции человека, соответствующую логике космического сознания, Петр Успенский называет «ощущение прошедшего и будущего как настоящего» (Там же, 238). Говоря о видах поступков, автор указывает на «начало поступков с пониманием их космического значения и целей» (Там же, 239).

⁴⁵ Юрий Манн отмечает: «Во всех случаях «повесть жизни» функционально близка исповеди в романтической поэме и, видимо, складывалась не без ее влияния» (Манн, Юрий. Динамика русского романтизма, 233).

<...>. Странное и невозможное состояние нашло на него. Он не мог больше ходить, есть и думать» (192).

У Платонова *случай* лишен, тем не менее, традиционного для жанра романтической новеллы качества *случайности*, а связан с расширением глубины и интенсивности понимания всех вещей в мире вплоть до космической стадии. Настоящее «понимание» Платонов пытается изобразить как некий *предел* понимания, когда вещь и первообраз вещи сливаются воедино, олицетворяя образ истинного, последнего понимания.

Кульминацией же фантастико-новеллистического сюжета является изображение человеческой души столь же глубокой, как и в предыдущем примере: «Есть моменты, когда человек с человеком сливаются в одно своими сокровенными душами, и тогда бывает экстаз» (193). Это «слияние» душ Платонов выразил посредством поэтического приема реализации зрительной метафоры – «поцеловать душу»⁴⁶, воплощающей «смертельную» любовь «лучшего друга» к Марии. Стадии реализации этой любви Платонов так же «нагрузил» космическими смыслами и символами. Так, к примеру, источником метафорического движения оказывается борьба двух различных субстанций: Света – субстанции земной жизни и Любви – сущностного свойства «другой вселенной». В результате победительницей становится неземная Любовь, которая задушила в герое жизнь-Свет. Но смерть героя не случайно названа я-рассказчиком «ослепительной победой», так как она обозначила его переход в пространство «иной вселенной», названной «вселенной любви».

Завершающее звено демиургического сюжета связано с попыткой додумать до логического конца возможность аналогичного «перехода» для человечества в целом. «Невозможность» такой «возможности», видимо, неожиданно для самого автора переводит теургические интенции⁴⁷ в «гротескную» модальность: я-рассказчик предлагает «к вопросу любви» подойти «технически»:

⁴⁶ Отметим присутствие в одном из писем Платонова к М. Кашинцевой данной метафоры: «Ты оправдала мое пророчество: женщина, Мария, и не женщина, а девушка спасет вселенную через сына своего. Первым же сыном ее будет любимый, кого поцелует она в душу в ответ на поцелуй» (Архив Андрея Платонова. Кн. 1, 439).

⁴⁷ Теургические интенции определяются провидческой интуицией Платонова, связанной с его детским духовным опытом, учебой в церковнославянской школе, знанием им евангельских текстов. Православное вероисповедание подтверждается документами воронежского периода 1914–1917 гг. в Личном деле Платонова. См.: Андрей Платонов. Личное дело, 1899–1926. Составители Олег Алейников, Михаил Бычков.

«Вселенная любви, вошедшая в него (друга – Н.Х.), имеет какие-нибудь признаки <...> микробы <...> их надо открыть <...> развести в препаратах <...> и прививать людям <...>. Тогда придет истинное светопреставление. Вселенная из камня станет ураганом <...>. Песок, камни и звезды начнут двигаться и падать, потому что ураганная стихия любви войдет в них. Все сгорит, перегорит и изменится <...> и будет то, чему невозможно быть» (196).

Вместе с тем «Невозможное» интересно не только «проигрыванием» демиургических сценариев, но и характером авторской рефлексии на них. Вот какова самооценка автора, выраженная я-рассказчиком: «Бездны планов, проектов и целые звездные сонмы фантазий роились в наших головах. Для осуществления любой, самой маленькой из них требовались тысячелетия. Но мы ими просто играли и дарили их тому, кто первый попросит. Нам было по 18-ти лет...» (192). Глубина самосознающего начала делает важным фактом авторского мироощущения противоположный демиургическому полюс – кровную почти языческую любовь к родной земле, воплощенной в удивительной красоты пейзажах. «На востоке в нежном невыразимом свете горела одна пышная последняя голубая звезда, и на нее неслись и неслись без ветра, в великой утренней тишине, неуловимые почти не существующие облака. В этот же час все дороги в поле были пусты, и прямо и неподвижно стояла полными колосьями рожь» (190). Эта любовь заставляет Платонова, только что рисовавшего картину гибели земного существования, мечтать о «чудесном безумце, который решит ту задачу, как сделать любовь возможной в этом мире, не уничтожая жизни» (195). Данное «противочувствие» и станет сюжетной основой фантастико-утопической линии творчества 1920-х годов⁴⁸.

Платонов – инженер, губмелиоратор

В этот же период у Платонова появится не только художественная, но и инженерная возможность «переоборудовать мир». 1921 год, памятный в истории России страшным

Под общ. ред. Натальи Корниенко. Воронеж: Дирекция Международного Платоновского фестиваля, 2013, 54, 93.

⁴⁸ См. об этом подробнее в: «Кипящая вселенная» Андрея Платонова, 66–152.

голодом, заставил Платонова оставить «основное и телесное» и заняться практической организационно-инженерной работой вплоть до середины двадцатых годов. Его проектам «благоугодия земли»⁴⁹ открылись перспективы технического исполнения.

Вгядимся в ряд публикаций и материалов, посвященных деятельности Платонова-мелиоратора. Первое упоминание о Платонове – Журнал № 14 постановлений Воронежского Губземотдела от 15 марта 1922 года: «Т. Платонова назначить политическим руководителем отделения с.- х. мелиораций»,⁵⁰ которое в 1923 году будет переименовано в Государственное мелиоративное бюро. Но государственное финансирование на мелиоративные работы было очень слабым. И только угроза повторения страшной засухи 1921 года заставила СНК 7 авг. 1924 года принять решение о помощи неурожайным губерниям, в частности Воронежской было выделено 1 118 800 р., а это значило, что население могло получить финансовую поддержку в качестве заработной платы за участие в общественно-мелиоративных работах⁵¹. С этого момента резко возрастает темп мелиоративных работ.

Присланный из Центра инспектировать мелиоративные работы инженер Адриан Алексеевич Прохоров констатирует: «Работа технического персонала безукоризненна – ночью они едут, а днем нивелируют, разбивают, организуют работу, считают, «когда спят неизвестно» <...>. Должен еще раз подчеркнуть блестящую организационную работу зав. Мелиоучастью Платонова»⁵².

Платонов в письме к Прозорову, с которым установились «уважительные человеческие отношения»⁵³, хвалит техперсонал за героическую работу: «Зенкевичи и их сотрудники работают по пояс в болоте, так что когда наклонится инженер к трубе инструмента, то подбородок его в воде. <...> Я лично знаю, что половина штата нашего

⁴⁹ Эта исходная формула почвенничества принадлежит великому просветителю XVI века Ермолаю-Еразму. Полностью она звучит так: «Благоугодие земли и умаление насильства». (Цит. по книге: Клибанов, Александр. Народная социальная утопия в России: XIX век: В 2 т. Москва: Наука, 1978, 1, 40). К формуле Ермолая-Еразма органично возводится смысл деятельности Андрея Платонова – инженера-мелиоратора. Дело не только в профессии, а в глубинном ощущении земли, ждущей благоустройства ради благоугодия и, что очень важно – в необходимости эстетического осознания и оформления этого ощущения.

⁵⁰ «Губмелиоратор тов. Платонов». По материалам Наркомата земледелия. 1921–1926 гг. (РГАЭ, фонд 478). Публикация Михаила Немцова, Елены Антоновой // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 3. Москва: ИМЛИ, «Наследие», 1999, 477.

⁵¹ Там же, 484.

⁵² Там же, 487, 488.

⁵³ Там же, 489.

заслуживает самой высокой благодарности. <...> Надо беречь штат»⁵⁴. В этом же письме Платонов откровенно любит налаженную мелиоративную работу: «Картина работ чрезвычайно красивая. Хохлы, хохлушки <...> волы, костры, тачанки – все это гремит, движется каруселями у плотины, блестит на солнце лопатами <...>. Хорошо. Это – фронт, это напор и действительная работа»⁵⁵.

Известно, что впечатляющие результаты подвижнической, инженерно-мелиоративной деятельности Платонова отразились в Удостоверении, выданном Платонову при отъезде из Воронежа, были перечислены работы, исполненные под его руководством: «построено 763 пруда <...>; построено 315 шахтных колодцев <...>; построено 16 трубчатых колодцев; осушено 7600 десятин; орошено (правильным орошением) 30 дес<ятин>, исполнены дорожные работы (мосты, шоссе, дамбы, грунтовые дороги) – и построены 3 сельские электрические силовые установки».⁵⁶

Платонов-организатор общественных мелиоративных работ спас от смерти сотни тысяч крестьянских жизней. Он создал целый штат профессиональных инженеров-мелиораторов, в дело мелиорации поверили крестьяне, объединившиеся для осуществления землеустроительных работ в товарищества. Некоторые из товариществ были названы его именем. Достигла высшей точки его карьера инженера-организатора: он работал «в системе ВСНХ»⁵⁷. Нина Малыгина впервые приводит документы Российского государственного архива экономики, подтверждающие, что деятельность Платонова была связана с ВСНХ⁵⁸. Платонов надеялся, что его мелиоративный проект может привести к полной победе над засухой и голодом.

Однако уже к марту 1925 года стало очевидно, что мелиоративная эпоха стремительно завершается, хотя Платонов продолжает посылать в Центр просьбы о дополнительном финансировании. Вот одна из них: «Давайте денег – гибнем. <...> Работать научились

⁵⁴ Там же, 490.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Впервые было опубликовано в ст. Иноземцевой Э. Платонов в Воронеже// Подъем, 1971, № 2, 91–103.

⁵⁷ Малыгина, Нина. «Быть человеком – редкость и праздник», с. 515. Ученый обратил также внимание, что сведения в «Справке» о Платонове, составленной в Секретно-политическом отделе ОГПУ в 1933 году: «А. Платонов – сын рабочего и сам бывший рабочий <...> работал в системе ВСНХ как инженер-консультант по электростроению», подтверждаются документально. Об этом подробнее в статье: Малыгина, Нина. Образ инженера в творчестве А. Платонова (изменение восприятия и трактовки), 35.

⁵⁸ РГАЭ. Ф. 475, оп. 2, ед.хр. 671, л. 44–45. Приведено в ст. «Образ инженера в творчестве А. Платонова», 35.

здорово. <...> Необходимо, чтобы начавшаяся героическая эпоха мелиораций не прекратилась жалким образом. Тогда хоть самоубийством кончай»⁵⁹.

Вскоре финансирование на мелиоративные работы прекратилось вовсе. Как отмечено Н.М. Малыгиной, они оказались «краткосрочной внеплановой кампанией», имевшей «цели сугубо политические – предотвратить крестьянские выступления против советской власти»⁶⁰. А успешная многоаспектная деятельность Платонова (землеустроительные работы, электрофицирование губернии) обернулась катастрофой: крушением карьеры инженера, невозможностью возвращения к мелиорации. О ее масштабе свидетельствует листок с записями А. Платонова: «<...> Несколько предупреждений о выселении с милицией на улицу. Безработица. Голод. Продажа вещей. Травля. 5) Невозможность отстоять себя и нелегальное проживание: все отсюда. 6) «Мужик». Травля семьи <...>. 7) Единственный выход: смерть и устранение себя».⁶¹

Возвращение к «основному и телесному»

Но победа и поражение Платонова-губмелиоратора стали основой литературных открытий Платонова-художника. В «длинном и глухом» Тамбове он пишет ряд ныне всемирно известных повестей «Лунная бомба», «Эфирный тракт», «Епифанские шлюзы», «Сокровенный человек», в которых возвращается к сюжету-архетипу «восстания на вселенную». Но теперь, на зрелом витке творчества, Платонов помещает этот сюжет в «густоту» своего инженерно-технического опыта, помноженного на «генетическую память»⁶² русской классики, где главным духовно-творческим ориентиром навсегда останется для него Пушкин⁶³. Именно в русле пушкинской традиции он осмысляет

⁵⁹ Губмелиоратор тов. Платонов, 503–504.

⁶⁰ Малыгина, Нина. «Быть человеком – редкость и праздник», 514.

⁶¹ «С 8 июня 1926 года и до конца 1927 года длилось выселение семьи Платонова из Центрального дома специалистов. <...> Среди документов, фиксирующих перипетии этой ситуации, находится листок с записями самого Платонова (очевидно, конца 1926 года)» (Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова во Всероссийском Союзе советских писателей 1 февраля 1932 г., вступл. и примеч. Натальи Корниенко // Андрей Платонов: Воспоминания современников; Материалы к биографии, 293–317; 314).

⁶² См.: Бочаров, Сергей. Генетическая память литературы. Феномен литературного припоминания // Он же. Филологические сюжеты. Москва: Языки славянских культур, 2007, 539–550.

⁶³ О влиянии Пушкина на судьбу и творчество Платонова в работах: Малыгина, Нина. Эстетика Андрея Платонова. Иркутск: Изд. Иркутского ун-та. 1985, 108–109; Сизых, Ольга. Мотивы русской классики в

важную для него дилемму «слова и дела».⁶⁴ В письме от 3 июля 1927 года он скажет об этом: «Вообще настоящий писатель – это жертва и экспериментатор в одном лице. Но не нарочно это делается, а само собой так получается»⁶⁵. В этом «итоге» нельзя не заметить рефлексии Платонова на пройденный им путь художника. Робко звучащее в ранних «фантазиях» сомнение в необходимости «рукотворного» преобразования мира, развертываясь в повестях второй половины 1920-х годов реальностью инженерных деяний, оборачивается испепелением жизненной «материи» и трагической гибелью инженеров-преобразователей.

В свою очередь, мощь изображения трагических конфликтов будет рождена уникальностью платоновского дара, соединившего в себе талант инженера и писателя. Эти ценные наблюдения сделаны Н.М. Малыгиной, показавшей, что «многие платоновские герои-изобретатели станут вымышленными авторами его собственных проектов»⁶⁶. Приведем одно из выразительных наблюдений ученого относительно создания повести «Епифанские шлюзы»:

«По модели сводок, которые мелиоратор Платонов направлял руководству Наркомзема, в Москву, написан фрагмент повести о доставке рабочих на строительство шлюзов: “...поставить пятьсот пеших, сто конных; на шлюз, что при деревне Сторожевой Дубровке, тысячу пятьсот пеших и четыреста конных; на Нюховской шлюз две тысячи пеших и семьсот конных; еще на Любовской канал, между Шатью и Доном, четыре тысячи пеших и полторы тысячи конных, да на Гаевский шлюз конных сто и пеших шестьсот. Вот, бери наряд, воевода! Чтоб вся эта рабочая сила была поставлена в одну неделю!”»⁶⁷

творчестве А. Платонова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. н. Москва: МГПУ, 1997, 4–7, 12–13; см.: Хрящева, Нина и Когут, Константин. Поэтика тайнописи в пьесе А. Платонова «Ученик Лицея» // Вопросы литературы. 2015, № 6, 95–119; и др.

⁶⁴ Наталья Корниенко отметит внимание Платонова к многообразию эстетических систем современной ему литературы, в частности, к формалистам. Не разделяя размежевания творческой личности на поэта и человека, обнаруженного в их полемике с Владиславом Ходасевичем по поводу феномена Пушкина, Платонов основывал логику своего поведения именно на пушкинской традиции. Корниенко, Наталья. Андрей Платонов по его письмам // Платонов, Андрей. «... я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. Москва: Астрель, 2013, 15.

⁶⁵ Там же, 228.

⁶⁶ Малыгина, Нина. Образ инженера в творчестве А. Платонова (изменение восприятия и трактовки), 39.

⁶⁷ Там же.

Этот текст представляет собой трансформированный вариант телеграммы о ходе работ, отправленной Платоновым в Наркомзем 9 сентября 1924 года:

«На девятое работы идут Богучаровском колодцев 5, ремонт прудов 10, новых 8, пеших 2000, конных 320, Россошановском колодцев 6, ремонт прудов 8, новых 6, пеших 800, конных 80, Валуйском ремонт прудов 4, новых 8, пеших 500, конных 50, Острогожском буровые, ремонт прудов 10, новых 12, пеших 1500, конных 150, пяти прудах работы заканчиваются, все меры дальнейшему развитию работ принимаются. – Завмелиоративными Платонов»⁶⁸.

Таким образом, Платонов видел предназначение литературы в способности быть «проектом будущего», а инженера – ведущей фигурой в «строительстве страны». И в этом плане мощный талант Платонова стал «оправданием и результатом неудавшегося проекта пролетарской культуры».⁶⁹

Итоги исследования.

Демиургизм Платонова в границах 1917–1926 гг. претерпевает существенные изменения. Воронежская публицистика проявляет искреннюю преданность Платонова революции 1917-го года. Она открывает путь избавления человека от природно-гибельного закона существования. Поэтому к ее врагам, «белым духом» юноша Платонов непримирим вплоть до их физического уничтожения. Однако глубина и цепкость мысли, которые порождают потребность додумать все до конца, очень скоро погружают его в состояние напряженного «противочувствия», отражающего сложность поисков духовных ориентиров в разноголосице «кипящей» эпохи.

С одной стороны, влюбленный демиург – юноша Платонов – клянется в письмах невесте-Музе в своей «точной» способности «восстать на вселенную» с целью ее коренного изменения.

С другой – уже в первых научно-фантастических картинах, названных самим автором *поэмами*, публицистическая жесткость «восстания на вселенную» как главного

⁶⁸ Документ, приведенный в статье, обнаружен Н.М. Малыгиной в РГАЭ (Ф.475, оп. 7, ед.хр. 2627, л. 53).

⁶⁹ Малыгина, «Быть человеком – редкость и праздник», 501.

демиургического деяния смягчается изображением опыта его переживания, ведущего к поиску альтернатив. Мечта о гибели земного существования обретает противоположный демиургическому полюс: как осуществить переход в «другую вселенную», «не уничтожая жизни».

Уникальность человеческой и писательской судьбы Платонова состоит в том, что на его долю выпадает возможность прожить отмеченное «противочувствие» не только посредством художественных проектов, но и путем инженерного переоборудования мира. Проверка гипотезы практикой: подвижнической деятельностью в качестве губернского мелиоратора обернется катастрофой.

В конечном счете, жизнь, прожитая «в горячке» бытия, породит гениальные творения – повести второй половины 1920-х годов («Эфирный тракт», «Епифанские шлюзы»), в которых Платонов даст оценку человекобожеским претензиям «переоборудовать» мироздание: реальность инженерных деяний по изменению мира обернется испепелением живой жизни и гибелью инженеров-преобразователей.